

Ричард

Пустобрёх

ПУТЕШЕСТВИЕ В ДУРЫСТАН, или страшный сон переводчика (пародия)

Кто не знает – представлюсь: поэт в сто двадцатом поколении, Ричард Пустобрёх – из великой страны Пустобрёхии.

Кроме основного своего занятия – сочинения бессмертных стихов, занимаюсь я на досуге ещё переводами других поэтов, чтобы, так сказать, продвигать мировые литературы в мир, которые сами двигаться никуда не хотят. Много ли я знаю языков? Ни одного! Кроме пустобрёхского, конечно, и то нетвёрдо. В школе, скажу честно, я учился плохо, и не только по иностранным языкам, но и по всем другим предметам. Как же дотянул до мировой славы? Шпаргалки, господа! Я и перевожу по шпаргалкам. Среди переводчиков они именуются подстрочниками. Перевожу много и на почве стихотворного перегрева иногда внезапно засыпаю, впадая в бредовое состояние.

Так случилось и на этот раз. Одурев от средне-восточных переводов, прилёг я на софу, но вскоре обнаружил, что не прилёг, а быстрым шагом иду по улице, сворачиваю к площади, где стоит карета и четвёрка лошадей. Я ещё удивился: «Откуда здесь карета и лошади? Зачем? У нас ведь метро, гелео-мобили, вертолёто-автобусы, космические корабли, наконец... А-а, да это, наверно, туристическая затея!», – догадался я, и тут же сел в карету. Не успел упасть на мягкое кресло, обитое хорошей кожей, как четвёрка рванула с места и так понеслась, что захватило дух. «Как бы не навернуться!» – подумал я. И только подумал – карета опрокинулась, я вылетел из неё и скатился в глубокий овраг, заросший колючей травой. Трава источала такой дурманный запах, что у меня закружилась голова, и я потерял сознание. Когда очнулся, то не помнил уже ни тройки, ни аварии – ничего! Кое-как справившись с дурнотой, я выкарабкался из оврага и оказался посреди пустынной местности. Ни души. Передо мной лежала прямая дорога, и я пошёл по ней.

Так, помимо своей воли, оказался я в фараонстве Дурыстан. Не буду рассказывать о моих блужданиях по этой, как оказалось, очень далёкой от нас, очень крайне-восточной земле, которой правил фараон-карлик Недоносер XII. «Солнце-подобный, Крепчайший!» – так о нём говорили его подданные. Он, в самом деле, сильно сиял, потому что смазывал свою лысую голову каким-то жиром для роста волос, отчего дух от правителя шёл, действительно, крепчайший, и приближение Солнцеподобного и Крепчайшего народ, обычно, чуял задолго до его появления, и быстро разбежался. Но речь сейчас не о нём, хотя тень и дух карлика-фараона будет всё время рядом.

Как человек творческий, поэт в сто двадцатом поколении, я стал искать контакты с пишущей братией. Искал, конечно, на базаре. Где же ещё на Востоке искать? И пока искал, даже язык дурыстанский выучил, что меня поразило – при моей-то совершенной глухоте к иноязычной речи. На базаре указали мне на очень тучного, чернокожего человека в пёстрой чалме. «Афродурыстанец! – так сказали, – Мы соблюдаем политкорректность! – и немедленно стали кланяться ему, восклицать:

– О, наидостойнейший из достойных! О, источающий сладчайшие из сладчайших рифмы!

Чёрный человек, пыхтя, гнал палкой рыжего ослика с белой чёлкой и, глядя свысока на хваливших его, громко бранился:

– А-а, чтоб ты лопнул, обжора! Чтоб тебя ни одна ослиха не полюбила!

– Это наш поэт, – объяснили мне базарные люди, беспрестанно кланяясь. – Это Аль-Набири, опять он разбирается с Осломбек!

– А что сделал Осломбек?

– Э-э, как всегда, наверно: сожрал рукописи!

– Чьи рукописи?

– Может, поэта аль-Набири, да не утомится его мёдоточащее перо! А, может, и аль-Надири, тоже поэта, да ускорится его стихопоток до миллиона строк в секунду! У нас все поэты, но эти – самые выдающиеся, после фараона Недоносера XII – да будет благословенно его имя! – потому что у них есть литературный журнал «Дурыстанский рыдван», и кого хотят, того они и печатают в своём журнале, потому их все восхваляют, чтобы напечататься: журнал-то один на всё фараонство. Мы тоже хвалим. Аль-Надири – главный редактор, аль-Набири – его заместитель, а Осломбек – личный водитель аль-Надири и член редколлегии.

– Он тоже поэт? – спросил я, но базарные люди не уловили иронии в моём голосе и ответили со всей серьёзностью и даже с некоторым удивлением от моего глупого вопроса:

– Конечно, поэт! Но не очень крупный, так... рыдванов пять-шесть в день, не больше...

«Что за рыдваны такие?» – подумал я, но больше меня занимали литературные способности осла:

– И как он пишет? Он же, э-э-э, он же осёл!

– В том-то и дело, что не пишет, а чужое ворует. Плагиатор! Съедает рукописи, переделывает на свой лад, а что получается на выходе, несёт в печать.

– Да-а, оригинально, оригинально... И что же, есть у него читатели?

– Есть! – вздохнули базарные люди. – И не только читатели, а уже и подражатели расплодилось! Очень популярен, очень, чтоб его ящур поразил!

Узнал я от базарных людей и об особенностях местного стихосложения. Если на всём Востоке писали газели и диваны, то в Дурыстане – рыдваны: гимны во славу Недоносера XII. Так вот что за рыдваны, которые создаёт осёл! Читать их надо нараспев, рыдающим голосом. И базарные люди тут же запели свой главный рыдван:

Слава, слава фараону!

По его живём закону –

Утром, вечером и днём

Ему славу мы поём!

Так произошла моя первая встреча с творческой интеллигенцией, и с лучшими поэтами Дурыстана аль-Набири и Осломбеком.

Осломбек при виде меня тут же выдал очередную порцию новых стихов, переделанных из чужих и старых. А тучный, чёрный аль-Набири, попирая ногами произведения Осломбека, обнял меня, радуясь, что я иностранец, и вот почему.

Хоть и далеко от центра мира находился Дурыстан, а мировой кризис и до него докатился, тем более что не было в этом, очень крайне-восточном фараонстве ни нефти, ни газа, ни золота с серебром – ничего. Один песок. Правда, воды хватало, и потому цвели сады, и на лугах паслись стада диких животных – ослобараны, ослокони, ослокозы и ослобыки. Животные эти прежде выглядели по-другому, но после того, как ознакомились с произведениями Осломбека, мутировали. Журнал «Дурыстанский рыдван» тоже мутировал, но не столько от рыдванов Осломбека, сколько от мирового кризиса. Из увесистого роскошного издания, обложка которого была похожа на золотой дворец фараона-карлика Недоносера XII, превратился он в тощую тетрадку с серыми страницами плохой бумаги, и вот-вот ему грозил полный кердык, а нигде больше поэты печататься не могли, потому что дурыстанский язык никто в мире не понимал. Читали поэтов Дурыстана только в Дурыстане, где они и так надоели друг другу. Хотелось мировой славы! Вот и придумали аль-Надири с аль-Набири, как поправить журнальные дела и выйти к мировому читателю – надо заняться переводом дурыстанской поэзии на языки мира, чтобы о Недоносере XII узнали все – от королевства Глюкостан до могущественной страны Баксланд, от страны Белых Льдов до страны жёлтых людей Сяосинь. За этот проект фараон, во-первых, наградит орденом своего имени аль-Надири и аль-Набири, а, во-вторых, уж наверняка отсыплет денег (здесь они назывались дурыски) из казны, так-то не допросишься: то сто двадцатый дворец надо перестраивать, то звёзды над Дурыстаном чистить, то оплатить труды фараоновых родичей, которые ежедневно пересчитывают песчинки в пустыне Арахас – её-то я и видел, когда вылез из оврага. Государственные нужды всё умножались, а притока капитала не было. Какой тут журнал, когда дурысок не хватает на ковку орденов и новых дурысок? В фараонстве росла безработица и беззаботица. Дошло до того, что пришлось сокращать гаремные штаты, и уволенные жёны вынуждены были отправляться на заработки в соседнее королевство Глюкостан, и даже за тридевять земель – в могущественную страну Баксланд.

Кроме отсутствия мировой славы и бюджета на журнал, беспокоила аль-Надири ещё и другая беда. Фараон-карлик усмотрел в одном из рыдванов аль-Надири крамолу, намёк на то, что Недоносер XII – страшно даже произнести! – тиран, держит в страхе народ, и никто даже чихнуть не может без его позволения. Вот этот рыдван:

Великий кормчий всех времён,
Наш Недоносер-фараон!
Не будет в звёздах небосклон,
Пока не пожелает он!
Луна и солнце не взойдут,
Мужья не расстегнут свой кут,
И не исторгнут жёны стон,
Пока не скажет фараон!

Из лона матерей своих
 Младенцам будет ход закрыт,
 Пока великий не велит
 Родить в великих муках их!

Великий славься фараон!
 Несокрушим твой вечный трон!

На взгляд любого профессионального переводчика, единственный недостаток этого рыдвана – злоупотребление словом «великий», а так – вполне гимнистый гимн. Но мы ведь, как люди просвещённые, знаем, какой болезненной мнительностью отличались некоторые правители, и тысячи, а то и миллионы жизней были загублены из-за этого.

Над аль-Надири нависли нешуточные тучи, поэта могли бросить в тюремную Яму, а то и казнить, и надо было срочно выправлять положение и доказывать свою преданность Недоносеру XII, пока литературные аналитики фараона не вынесли свой окончательный вердикт: крамола есть!

Появление в фараонстве иностранца, то есть, меня, да ещё знающего дурыстанский язык, аль-Набири расценил, как добрый знак.

Он усадил меня на Осломбека, хоть тот и сопротивлялся и орал, что только святое седалище аль-Надири может касаться осломбековской спины, но аль-Набири огрел обнаглевшее животное палкой, и бедный, поруганный поэт потащил меня в редакцию «Дурыстанского рыдвана».

Аль-Надири отличался от аль-Набири только цветом кожи – он был его бледнолицый брат, а в остальном – такой же тучный толстяк, в пёстрой чалме. Перво-наперво, аль-Надири налил нам всем бузы. Не забыт был и Осломбек – ему тоже плеснули в чернильницу веселящего зелья. Бузу варили из дурман-травы, которая встретила меня в овраге, и называлась эта трава бузульником. Алкоголь в Дурыстане был запрещён, но поэты пили. За это могли и голову отрубить. Иногда и рубили. Устраивали на главной площади показательную рубку. Борцы за права человека осторожно намекали Недоносеру XII, что так делать нехорошо, на что фараон мудро отвечал:

– Чистка литературы полезна, как чистка зубов!

Буза оказалась такой крепкой, что я вмиг опьянел, язык у меня развязался настолько, что я готов был выдать все государственные тайны своей страны Пустобрёхии. Но тайн не потребовалось. И хотя аль-Надири тоже основательно надрался, а его сподвижник аль-Набири – набрался, но стратегической своей цели они не забыли и быстро склонили меня к переводу дурыстанских рыдванов о фараоне на пустобрёхский язык. Начало было положено!

– А теперь, – сказал аль-Надири, – надо баксландский перевод организовать! Ты баксландский знаешь?

– Ни за что! – ответил я. – Нам, пустобрёхским поэтам, баксландский ни к чему! У нас собственная гордость!

– А какой знаешь? – не теряли надежду аль-Надири и аль-Набири.

– Никакой! Только наш и ваш, да и то – домой приеду, ваш забуду!

– Не приедешь! – заорал Осломбек. – Я не могу ехать, я петь хочу!

Аль-Набири пнул животное под зад и выставил за дверь:

– Там пой, весели своих глистов!

А мы выпили ещё бузы. Тут я с ужасом обнаружил, что не помню ни одного слова из своего родного, пустобрёхского языка, который и так знал нетвёрдо, но говорить всё же могу, и говорю исключительно по-дурыстански.

Аль-Надири, не подозревая о страшных метаморфозах, которые приключились со мной, и, смирившись с моей предыдущей бестолковостью, сказал, что выход есть.

Имелся у него приятель, хоть и с криминальными наклонностями, но весьма вёрткий в делах, и к тому же, знающий многие языки, жаль только, не поэт, а то бы сам всё перевёл. Он был единственный такой в Дурыстане, не умеющий рифмовать, но мог сделать шпаргалки. Звали его аль-Дырк Стулойя. Этот аль-Дырк промышлял прежде продажей ворованных, подержанных ослов, всучив однажды и аль-Надири ослёнка, которого украл у нищего бродяги, тоже вора, но в отличие от аль-Дырка – поэта. Ослёнок этот вырос в Осломбека и оказался не только подержанным, но и с большим дефектом: жрал чужие рукописи! Вскоре аль-Дырка поймали на воровстве, посадили в тюремную Яму, где сидели дети разных народов, где аль-Дырк и постиг многие языки мира. Через несколько лет его отпустили. Если бы обнаружили, что он не умеет писать рыдваны, то ему бы грозило пожизненное заключение, но аль-Дырк не выдал себя. Отдохнув на свободе часа два, аль-Дырк решил оставить ослиный бизнес и пустился в новую авантюру.

В соседнем королевстве Глюкостан, которым правил король Хмурий Великолепный, была нефть, и Дурыстан покупал её за большие дурыски. Дурыстанская граница охранялась плохо. В Дурыстане было только два пограничника – Халам и Балам, которые дежурили по очереди. Да и что охранять? Как я уже сказал, никаких богатств в фараонстве не было, а фараон-карлик свои драгоценности и валюту хранил в банках как раз Глюкостана. На глюкостанской стороне пограничников служило больше, но они часто были одержимы глюками и теряли бдительность. Вот и смекнул хитрый аль-Дырк, что мог бы неплохо заработать на глюкостанской нефти, пользуясь плохой охраной границы.

Много дней и ночей рыл он тайный ход в сопредельную страну и прорыл, и протянул под землёй шланг, и подключил его к нефтяной трубе соседей, и потекла нефть к нему – прямо в дом, в кран умывальной комнаты, и стал он её продавать из-под полы заезжим купцам.

Купцы привозили в Дурыстан разные диковинные товары: капканчики для ловли блох в стихах, сапоги-сорокоходы, стельки в которых были пропитаны скипидаром, и бегали сапоги очень быстро, живые жучки для гаремных прослушек. Правда, жучки иногда переползали в чужие гаремы. Из-за этих блудящих жучков не прекращались гаремные разборки, которые вошли в историю Дурыстана, как война Белой и Чёрной Розы, хотя обе Розы были не жёнами, а всего лишь наложницами.

Но вернёмся к нефти. Заезжим купцам и сбывал аль-Дырк Стулойя ворованную нефть. Только собрался аль-Дырк от души погулять на нефтедурыски, как вышел на его след главный сыщик Дурыстана аль-Нюх Айяйя. И поставил условие аль-Нюх Айяйя аль-Дырку Стулойя: или тот отдаёт все, накопленные дурыски, ему, главному сыщику – лично в руки, и шланг переносит к нему в дом, или – аль-Нюх Айяйя сдаёт аль-Дырка Стулойя фараоновым палачам, и те казнят вора на главной площади.

Аль-Надири решил помочь приятелю, выгадав кое-что и для себя. Дружно, всей компанией, подключив и меня с Осломбеком, мы уничтожили вещдоки – шланг сожгли, а тайный туннель закопали. На его месте посеяли траву бузульника. Она имела способность к быстрому росту, и уже наутро там шумели густые колючие заросли, которые своим дурманным запахом валили с ног всех, кто приближался к зарытому туннелю. Люди впадали в летаргический сон, а, проснувшись, не помнили, зачем проходили мимо. Не помнил и сыщик аль-Нюх Айяйя, но мог вспомнить, и потому заработанные воровским путём дурыски аль-Дырк Стулойя немедленно перечислил на счёт Благотворительного фонда «Рыдван-Фараон компани», который был открыт сразу же, как закопали туннель. Возглавил Фонд протрезвевший поэт Осломбек, как представитель неимущей части творческой интеллигенции и выходец из народа. Сопредседателем Фонда стал аль-Дырк Стулойя.

Вначале аль-Дырк заартачился – жалко ему было расставаться с капиталом, но аль-Надири прижал его к стенке своим тучным пузом:

– У тебя нет выбора! Или ты идёшь на плаху, и твои деньги всё равно заберёт аль-Нюх Айяйя, или останешься жить, а в качестве бонуса получишь почёт и уважение, как благотворитель.

Скрипя сердцем и зубами, аль-Дырк согласился с неоспоримыми доводами своего приятеля аль-Надири. Он облачился в строгий халат с бабочкой, намотал на голову белую чалму чиновника и стал ходить с портфелем, и жители Дурыстана стали кланяться ему и восхвалять.

Вот из этого Фонда и намечено было финансировать проект, пригласив поэтов из разных стран на Форум переводчиков, прежде всего – из могущественной страны Баксланд, ведь на баксландском языке говорил почти весь мир, кроме Дурыстана и Пустобрёхии.

Из Баксланда прибыл важный, всё время жующий жвачку, бард Джон Гуано. Он пел в ресторанах Баксланда песенки собственного сочинения, типа: «Скинь скорее юбку, блузку – покажи мне свою гузку!». С ним Аль-Дырк познакомился в тюремной Яме, где сидел после кражи ослов в Глюкостане. Гуано же мотал срок за гастроли по Дурыстану, куда привёз полуголых танцовщиц. Танцовщицы так не понравились фараону-карлику своими мосластыми коленками, что он их медленно выслал из фараонства, а барда Гуано приказал бросить в Яму. Через год, после долгих переговоров и торгов, его выкупили баксландские дипломаты.

Из сопредельного королевства Глюкостан тоже пригласили поэта, точнее, поэтессу – первую красавицу королевства Мари Хуан Бен Закури. Она не расставалась с длинной сигаретой, её ярко-красные губы то и дело кривились, так же кривились и глаза, и вся она была похожа на кривое зеркало, но это не мешало ей быть первой красавицей Глюкостана. Мари выкрикивала строчки своих стихов на глюкостанском языке, и унять её было невозможно.

С нею аль-Дырк тоже познакомился в тюремной Яме, где Мари сидела на женской половине – у южной стены. Аль-Дырк и Гуано сидели напротив неё, у северной, мужской стенки – самой сырой.

Мари дожидалась казни за нелегальный ввоз в Дурыстан наркотиков. Я же говорил: граница охранялась плохо, да ещё в тот день, как проникла Мари в Дурыстан, у начальника дурыстанской заставы, аль-Насра, сын женился, по имени

аль-Насери, и не просто женился, а сумел склонить к браку Мюсли Бен Сюсю – сына беглого толстосума Хуана Бен Дохуана, поскольку дочери у толстосума не имелось. А беглым он был, потому что проворовался у себя на родине, в Глюкостане, и попросил политического убежища в Дурыстане. Хуан Бен Дохуан был в своём королевстве крупным чиновником, так как брал крупные взятки, кроме того, он выкрал из секретных хранилищ стратегические запасы глюкотропного материала, из которого можно было сделать глюкотропную бомбу, и продал всё в Баксланд.

Если бы у Хуана Бен Дохуана не было сына, отпрыск Аль-Насра, аль-Насери, женился бы на козе, фикусе или канарейке Хуана Бен Дохуана, лишь бы иметь доступ к капиталам толстосума, пока Дурыстан не сторговался с Глюкостаном, и не выдал королевству его беглого коррупционера. Надо было торопиться!

Весь Дурыстан гулял на свадьбе молодых, включая и двух пограничников, Халама и Балама.

Расскажу немного о жизни Дурыстанской погранзаставы. По утрам аль-Наср устраивал Халаму и Баламу тактические учения – заставлял тренироваться в быстром стихосложении. (Не забывайте: в фараонстве все были поэтами, и вырыдывание рыдванов считалось делом государственной важности!) Бойцы усердно учились и на «отлично» сдавали стихо-нормы. Затем Халам или Балам – чья была очередь – заступали на боевое дежурство, к штыку пристегнув перо, а начальник заставы аль-Наср удалялся в свой сад, где пил чай или бузу, и писал патриотические рыдваны, всячески угрожая королю Глюкостана, Хмурию Великолепному.

Вот образец его рыдвана в моём переводе – с дурыстанского на дурыстанский, потому что родной, пустобрёхский язык, я забыл:

На границе ходит враг мой, Хмурий,
И прельщает прелестями гурий.
Что мне девы? Хоть одень в парчу,
Только фараона я хочу!

Но в тот день, когда на территорию Дурыстана проникла наркоторговка Мари Хуан Бен Закури, была, как я уже сказал, свадьба сына начальника заставы аль-Насра, аль-Насери, с Мюсли Бен Сюсю, сыном Хуана Бен Дохуана, и вся погранзастава гуляла на этой свадьбе.

Проникнуть-то Мари проникла в Дурыстан, но не успела далеко продвигнуться. Она не знала, что на погранзаставе доживал свой век полковник запаса, аль-Блудайя – боевой пёс, заслуженный пограничник Дурыстана. Бывших пограничников не бывает, и аль-Блудайя это доказал. Он поймал Мари, затащил в свою конуру, и что уж там с нею делал, неизвестно, только Мари вылезла из конуры через неделю, взлохмаченная и сильно возбуждённая. Она добровольно сдалась начальнику заставы аль-Насру, пограничникам Халаму и Баламу, лишь бы они её навсегда оставили с настоящим полковником Аль-Блудайя, который ухмылялся и скалил зубы. Но её с полковником не оставили, а посадили в Яму. Контрабандистке грозило отсечение головы, если бы глюкостанские дипломаты не вызволили Мари из Ямы, а они вызволили, и она благополучно вернулась домой, и занялась сочинением рыдванов, которым обучил её аль-Блудайя – в перерывах между любовной артподготовкой – и поняла Мари, что дурь сочинительства круче конопли и мака.

Фонд «Рыдван-Фараон Компани» пригласил ещё поэта Долдона Ордендая, из Бурляндии – из страны запредельной, где, говорят, водятся летающие тарелки, кони и женщины – тоже летающие, где любой поэт может петь свои стихи сорок дней и сорок ночей без передышки, а тамошние люди их слушают, не смыкая глаз, ещё и подбадривают поэта криками: мол, пой, давай, не останавливайся! Мы же терпим, не выходим по нужде, и ты терпи!

Ордендай приехал в длинном бархатном халате, расшитом золотом, и все в Дурыстане решили, что он, наверно, очень большой человек у себя на родине, раз ходит в таком богатом халате. Его даже сам фараон-карлик удостоил вниманием: принял в одном из дворцов, угостил кушаньем, приготовленном из министра культуры, который плохо поднимал культуру и сам некультурно выражался, а, главное, не мог срифмовать простейшее: «любовь-кровь», чему и стал учиться на праздничном блюде фараона.

Напоследок Недоносер XII наградил бурляндского поэта орденом Недоносера XII и велел завернуть поэту на дорожку лучший мосол с праздничного стола.

С Долдоном Ордендаем аль-Дырк познакомился тоже в Яме, но уже в бурляндской, когда случайно забрёл в запредельную страну, охотясь на ослов. Освещения в Бурляндии не было, и тёмной, воровской ночью аль-Дырк провалился под землю, в открытый люк теплотрассы, где уже сидел провалившийся ранее поэт Ордендай. Они помогли друг другу выбраться из огнедышащей кипятком ловушки, с тех пор и задружили.

Был доставлен на Форум переводчиков и великий поэт Хуа Дзы из великой страны Сяосинь, временно проживающий в Дурыстане. Он тоже оказался знакомцем аль-Дырка, и познакомились они, как вы уже догадались, в тюремной Яме. Хуа Дзы был не только великим поэтом, но ещё и великим поваром. Когда-то он открыл в Дурыстане сеть ресторанов сяосиньской кухни «Приют чёрного таракана», где готовились экзотические блюда, в том числе, из кошек. А надо сказать, кошки почитаются в Дурыстане как священные животные, но Хуа Дзы об этом не знал. Он увидел массу бесплатной, бесхозной еды, которая табунами шлялась по фараонству, и немедленно открыл сеть ресторанов. Дурыстанский народ не подозревал, что ест, пока министерство по охране кошек не обнаружило полное исчезновение в фараонстве кошачьего поголовья. Тогда и всплыла наружу страшная правда: сяосиньский повар перевёл всех кошек на жаркое. Он был брошен в Яму, где в ожидании казни снова занялся переводом, но уже не кошек, а стихов. Он перевёл на сяосиньский первые пятьсот рыдванов о Недоносере XII, сочинённые самим Недоносером XII, что и оттянуло четвертование. Все пятьсот рыдванов уместились в два красивых сяосиньских иероглифа. Недоносер XII был весьма доволен и разнежен созерцанием этих иероглифов и тем, что его отныне будут славить в великой стране Сяосинь. Если бы он знал содержание перевода!

Я должен с прискорбием признать, что некоторые переводчики очень сильно искажают замысел автора. Таким оказался и Хуа Дзы. Он так искажил поэтические извержения Недоносера XII, что нельзя было узнать ни один из пятисот оригиналов, с которыми работал приговорённый к смерти поэт. Вот, например, как писал Недоносер XII:

Я прекрасен при любой погоде,

Дует ветер или стихнул он.

Я прославлен на века в народе:

У меня здоровый рацион.

А вот обратный перевод двух красивых иероглифов:

Ветер подует –

Ветка нагнётся.

Кошка сорвётся –

Будет еда.

Забегая вперёд, скажу, что Хуа Дзы всё же казнили, но не сразу – он успел поучаствовать в Форуме переводчиков и перевести ещё пять тысяч рыдванов фараона-карлика. На сяосиньском они красовались уже пятью иероглифами, но содержание их было ещё короче:

Кошками пахнет –

Жизнь на исходе...

Недоносер XII намекал сяосиньским дипломатам, что может отпустить на свободу их великого поэта Хуа Дзы, сделав ему только обрезание языка и оставив в целости остальные члены, если государство Сяосинь заплатит за него хороший выкуп, на что сяосиньские дипломаты ответили фараону-карлику тремя не очень красивыми иероглифами: мол, пусть и он, фараон-карлик, и поэт Хуа Дзы идут на эти самые три некрасивых иероглифа, потому что в государстве Сяосинь народу, как песка в пустыне Арахас, и никто даже не заметит исчезновения одного поэта, пусть и великого, потому что в государстве Сяосинь люди плодятся, как кошки.

Дурыстан обиделся на Сяосинь из-за трёх некрасивых иероглифов и послал ноту протеста, на что получил ещё три некрасивых иероглифа, но уже другого содержания. Звучало это примерно так: «Если вы, паршивые ослопридурки, не отвяжетесь от нас, то мы применим к вашему фараонству международные санкции, и ваш нищий Дурыстан станет ещё нищеe!»

Так бедный поэт Хуа Дзы пал жертвой большой политики.

Пригласили ещё многих иностранных поэтов, в том числе, и весь Союз писателей страны Белых Льдов, который состоял из одного члена по имени Синий Олень. С Синим Оленем аль-Дырк познакомился не в Яме, нет, а в снегах тундры, где искал ослон. Не нашёл. Решил, что и олень сойдёт, но оказалось, что это не совсем олень, а местный поэт, член Союза писателей страны Белых Льдов, который посинел от холода. Кто купит поэта, да ещё синего, в Дурыстане, когда там своих поэтов хоть отбавляй: и нормальных, и цветных?

Так и познакомились криминальный авторитет аль-Дырк и поэт Синий Олень, которого аль-Дырк отогрел бузой, и Синий Олень стал понемногу розоветь.

Форум переводчиков прошёл весело и плодотворно. Были переведены на языки мира тонны рыдванов. Были выпиты все запасы бузы, съедены все продукты, конфискованные в ресторанах сяосиньской кухни «Приют чёрного таракана».

И был вечер, и было утро. И объявил сопредседатель Благотворительного Фонда «Рыдван-Фараон Компани», господин аль-Дырк Стулойя, что на счёту Фонда нет больше ни дурыски. Теперь не то, что заплатить переводчикам за их труды нечем, но и даже не на что отправить их назад, в их страны, а господин Осломбек всех не вывезет, потому что господин Осломбек пропал вместе с день-

гами Фонда. Кроме того, он сожрал все рыдваны, переведённые на языки мира нашими дорогими гостями. Это была катастрофа!

Все приуныли, кроме аль-Дырка. Он придумал новый план, как обогатиться. Решил снова отправиться в Бурляндию – дорогу туда он уже знал, выкрасть там летающую женщину и продать её в гарем какого-нибудь глюкостанского султана, а выручку разделить с подельницей-бурляндкой. Поведёт султан купленную жену в опочивальню, под золотой балдахин, тут женщина взмахнёт руками и улетит будто приснилась. Аль-Дырк продаёт её другому султану. Та же история: он её под балдахин, она – улетает. Султан думает: сон! И так бесконечное количество раз. А если летающая женщина сбежит и от аль-Дырка, аль-Дырк снова пойдёт в Бурляндию и украдёт новую летающую женщину.

Аль-Дырк не унывал, а нам-то что делать? Не знаю, что было бы со всеми нами, если бы я не справился со своим бредом, если бы не проснулся.

– Какое счастье! Это всего лишь дурной сон! – воскликнул я, и радостный, поклявшись себе никогда больше не переводить восточных поэтов, выглянул в окно – там стоял рыжий осёл с белой чёлкой, на спине которого громоздились плотно набитые тюки.

– Ты кто?

– Друг, ты что, не узнал меня? Это же я, Осломбек!

– Какой ты мне друг? Уйди, шайтан! Что тебе надо?

– Переведи мои рыдваны, я тебе хорошо заплачу! – и он кивнул сначала на тюки, а потом на свои произведения, которые дымились рядом.

– Ах ты, подлая скотина, ворюга! – разразился я бранью, и запустил в осла подстрочники восточных стихов, но тут сон кончился окончательно. Я осторожно выглянул в окно...

Перевела с дурыстанского Надежда Чернова.

